

МИСТЕР ПОНЕДЕЛЬНИК
МРАЧНЫЙ ВТОРНИК
УТОНУВШАЯ СРЕДА
СЭР ЧЕТВЕРГ
ЛЕДИ ПЯТНИЦА
ПРЕВОСХОДНАЯ СУББОТА
ЛОРД ВОСКРЕСЕНЬЕ

КЛЮЧИ ОТ КОРОЛЕВСТВА

• ГАРТ НИКС •

• КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ •
СЭР ЧЕТВЕРГ

Санкт-Петербург

ПРОЛОГ

Западная оконечность Великого Лабиринта упиралась в горный хребет. Этот хребет вздымался ввысь на шестнадцать тысяч футов¹ и не имел ни единой поперечной долины или даже расселины, которая выводила бы на противоположную сторону, ибо там, за барьером из камня и льда, была Пустота. Горы, таким образом, составляли одну из стен Дома и служили ему защитой как от разъедающего действия самой Пустоты, так и от набегов существ, в ней зарождавшихся, — пустотников.

Имелось всего одно место, где пустотники могли проникнуть внутрь Дома. Давным-давно, когда горы только возникали из небытия, вместе с ними был создан и тоннель. Сводчатый, семь миль² в длину и четы-

¹ 1 фут — 30,48 см.

² 1 миля — около 1,6 км.

ре в ширину, а высотой — полмили. Тоннель перекрывали исполинские ворота, да не одни. Самые внутренние, располагавшиеся непосредственно в Доме, были облицованы дюймовым¹ слоем золота и заперты с помощью бесплотных сил, не очень-то поддающихся колдовству или необработанной Пустоте. Вторые ворота, на полмили углубленные в тоннель, покрывало серебро, третьи — бронза. Последние, четвертые ворота, выводившие в самую что ни есть Пустоту, звались Ясными. Они состояли целиком из прозрачной бесплотной субстанции. Их присутствие обозначалось лишь мерцанием, которое причиняло боль даже бессмертным глазам.

Невзирая на эту боль, Жители Дома, несшие стражу у Ясных ворот, подолгу вглядывались в странный, переменчивый мир, простиравшийся по ту сторону. Там, в приграничье Бездны, еще продолжало действовать упорядочивающее влияние Дома, так что Пустота порой приобретала некие формы... Но и Бездна была совсем близко, поэтому Пустота то припадала к самой поверхности ворот, то отступала прочь и делалась не видна.

Тоннель существовал для того, чтобы время от времени пропускать внутрь Великого Лабиринта определенное количество пустотников. Дело в том, что

¹ 1 дюйм — 2,5 см.

в Лабиринте базировалось Славное Воинство Зодчей. Впущенные пустотники служили доблестной армии для развлечения и тренировки.

Последовательность таких контролируемых вторжений никогда не менялась. Если требовалось лишь небольшое число пустотников — скажем, тысяча или две, — Ясные ворота просто отпирали на время, достаточное для их прохода. Потом створки закрывали, а тварей пропускали сквозь Бронзовые ворота, в свою очередь смыкавшиеся у них непосредственно за спиной. То же самое затем повторялось у Серебряных ворот и, наконец, у Золотых, сквозь которые пустотники попадали собственно в Дом.

Существовало незыблемое правило, согласно которому все четверо ворот ни при каких обстоятельствах не могли быть открыты одновременно. И лишь дважды за всю историю Дома оказались открыты сразу трое ворот — это потребовалось, чтобы пропустить более чем сто тысяч пустотников одновременно.

Створки ворот приводились в движение гигантскими механизмами, вращаемыми течением подземных рек. Каждым механизмом управлял один-единственный рычаг; все четыре рычага располагались в машинном отделении Пограничного форта — так назывались чертоги, устроенные в теле гор выше тон-

нея. Внутри форта можно было проникнуть по крутому узкому серпантину, надежно защищенному бастионами и рavelинами.

В состав гарнизона форта входило по одному подразделению от всех родов Воинства. Были представлены и Легион, и Орда, и Полк, не говоря уже о Среднепочетной Огневой Батарее. Стража менялась через каждые сто лет по времени Дома.

В настоящий момент — чуть более чем через десять тысяч лет после исчезновения Зодчей — в Пограничном форту стояла когорта Легиона, а командовал ею полковник Трабизонд Нэж, 13338-й по старшинству в иерархии Дома.

Находясь в своем офисе, полковник Нэж как раз надевал посеребренную кирасу и пернатый шлем, положенные ему по званию, когда в дверь постучал вестовой.

— Ну что там еще? — спросил Нэж.

Мысли его пребывали весьма далеко, ведь менее чем через час ему надлежало командовать открытием Ясных ворот. Предстояло впустить десять тысяч пустотников: Славное Воинство открывало очередную кампанию, 108217-ю по счету.

— Посетитель из Генштаба, сэр, — ответил вестовой. — И еще лейтенант Корби желает сделать срочный доклад!

Полковник нахмурился. Подобно всем начальствующим Жителям, он был очень высок ростом и настолько красив, что даже сдвинутые брови не испортили великолепия его черт. А хмурился он оттого, что никто заблаговременно не предупредил его о визитере из Генштаба. Зря, что ли, у него было там столько друзей и бывших сослуживцев? И вот те на, никто даже записочки загодя не прислал.

Нэж застегнул подбородочный ремень шлема и взял в руки свой экземпляр эфемериды 108217-й военной кампании. Эфемерида была магическим образом настроена единственно на его руки. От чужого прикосновения книга бы попросту взорвалась. По этой причине его имя было оттиснуто на красной кожаной обложке трехдюймовыми заглавными буквами. Эфемерида не только указывала последовательность отпирания-запирания всех ворот, она еще и руководила перемещением отдельных секций Великого Лабиринта.

Ибо оный Лабиринт, имея несколько неподвижных элементов, был разделен на секции размером в одну квадратную милю. Их насчитывался целый миллион — этаких клеточек на шахматной доске со стороной в тысячу миль. На закате каждая секция переносилась на новое место согласно диспозиции, разработанной Сэром Четвергом примерно на год впе-

ред. А посему, чтобы куда-либо добраться в пределах Великого Лабиринта, следовало знать, где именно окажется — или, наоборот, не окажется — данная конкретная секция завтра.

А еще эфемерида повествовала о характере местности и иных достоинствах каждой клетки, поясняла, где искать воду, провизию, боеприпасы... Ну и так далее.

Положив эфемериду во вместительный карман на груди длинной кожаной рубахи, полковник Нэж взял меч и убрал его в бронзовые ножны на поясе. Это было его табельное оружие, выдержанное в традициях Легиона. Его прообразом послужил гладиус, оружие римских легионеров из мира под названием Земля — одного из Второстепенных Царств вне Дома, — но создали этот клинок в мастерских Мрачного Вторника. Его лезвие состояло из сгущенного света звезд, а рукоять — из уплотненного тяготением янтаря. Эфес же таил в себе зернышко заколдованной Пустоты, что наделяло меч несколькими полезными свойствами. К примеру, его клинок был способен вращаться.

...Итак, Нэж отворил дверь и сказал вестовому:

— Пусть войдет штабист. А Корби скажи, что я приму его через минуту-другую.

Посетитель оказался штабным майором, одетым в форму Цитадели, где помещалась Ставка Сэра Чет-

верга, — это, кстати, был один из тех участков Великого Лабиринта, которые никогда не двигались с места. Красный мундир с золотыми пуговицами и черная треуголка были позаимствованы из обихода опять-таки земного, только девятнадцатого века, — так уж сложилось, что именно этот мир оказался основным поставщиком идей для Жителей Дома. А под мышкой у майора красовалась короткая и тонкая, смахивающая на хлыстик прогулочная трость. Не исключено, что это было некое оружие, замаскированное колдовским образом.

— Здравствуйте, полковник! — Новоприбывший вытянулся и весьма лихо отдал честь.

Нэж ответил на приветствие, лязгнув правым наручем по кирасе.

— Я — майор Правуил, — продолжал штабист. — Доставил директивы из Ставки. Изменения к вашей эфемериде.

— Изменения? — удивился Нэж. — Никогда раньше подобного не случалось!

— Планы кампании подверглись пересмотру, — без запинки продолжал Правуил. — Сэр Четверг надумал устроить ребятам какую следует проверку. Вот, пожалуйста. Просто распишитесь здесь, сэр, справа внизу. А потом приложите листок к вашей эфемериде.

Нэж быстро расписался, вынул эфемериду и приложил лист к обложке. Секунду ничего не происходило, потом бумаги вздрогнули и зашелестели, как будто в комнату залетел ветер. И вот прямо на глазах у двоих Жителей лист впитался непосредственно в книгу, втянувшись в кожаную обложку, как вода в губку.

Нэж выждал еще немного, потом взял эфемериду и раскрыл ее на странице, соответствовавшей текущему дню. Дважды перечитал текст... И его брови вновь недовольно сдвинулись к переносице.

— В чем дело? — вырвалось у него. — Все четверо ворот? Одновременно? Но это против всех установлений!

— Непосредственные распоряжения Сэра Четверга имеют более высокий приоритет.

— Как вам известно, мой гарнизон неполон, — сказал Нэж. — У меня всего лишь когорта легионеров и отряд пограничников. Что будет, если при открытии ворот форт подвергнется нападению?

— Вы сумеете его защитить, — сказал Правуил. — Это же будет самая обычная шваль, пустотники. Просто чуть многочисленнее, чем всегда.

— Вот в том-то и дело, — не уступал Нэж. — Пограничники мне докладывают, что в порубежье происходит нечто из ряда вон выходящее. Вот уже несколько месяцев за Ясными воротами держится ста-

бильный пейзаж, а Бездна не показывается на глаза. Согласно последнему донесению «местность» по ту сторону заполняется отрядами пустотников, которые стекаются неизвестно откуда... Пустотники, организованные в отряды!

— Организованные? — фыркнул Правуил. — Всем известно, полковник, что пустотники ни к какой организации не способны по самой своей природе. Они возникают из Пустоты, чтобы тупо драться — друг с дружкой, если не могут проникнуть непосредственно в Дом, — и, будучи сражены, возвращаются в Пустоту. Так было всегда, так будет и впредь!

— Прошу прощения, майор, но как раз в данный момент дело обстоит решительно наоборот, — прозвучал новый голос со стороны входной двери.

Там стоял навытяжку Житель в песочном мундире пограничника и с длинным луком за спиной. На лице и на руках у него виднелись характерные шрамы от давних ран, причиненных Пустотой, — верный признак дозорного, несшего службу на рубежах Дома и Бездны, будь то окрестности Великого Лабиринта или иного предела.

— Разрешите доложить, полковник?

— Прошу, Корби. — Нэж сунул руку под кирасу, извлек карманные часы и ловким движением руки откинул крышечку. — У нас есть еще сорок минут.

И Корби заговорил, обращаясь к некоторой точке чуть выше головы полковника, словно его слушатели помещались именно там.

— После семнадцатого отсчета я вышел разведывательным лазом с четырьмя сержантами и шестью рядовыми пограничниками. Датчики показывали очень низкий уровень свободной Пустоты, а сама Бездна располагалась, согласно показаниям измерителя, на удалении в четырнадцать миль. Мы не имели возможности ее наблюдать, впрочем, мы вообще ничего определенного не различали из-за крайне необычной дымки непосредственно по ту сторону Ясных ворот.

Мы устремились напрямиком в означенную дымку и обнаружили, что она, во-первых, простирается всего лишь ярдов¹ на двадцать или тридцать, а во-вторых, искусственно создается неведомыми нам методами, судя по всему — при помощи колдовства. Ибо происходил сей туман из труб наподобие дымовых, уложенных в ряд на протяжении около мили, как раз напротив Ясных ворот.

Двигаясь далее сквозь туман, мы открыли, что в Пустоте образовалась изрядная травянистая луговина, на некотором расстоянии от ворот пересекает

¹ 1 ярд — 91,4 см.

мая широким потоком. По ту сторону реки мы увидели тысячи палаток, все одного цвета, расположенные ровными рядами по сто штук, и во главе каждого ряда реяло знамя. Все это очень мало напоминало обычные лагеря пустотников, устроенные как попало и наспех. Кроме того, нам сразу бросился в глаза огромный, крепко утоптаный плац за палатками. По нему как раз маршировало тысяч двести-триста пустотников, выстроенных в боевые порядки...

Да, сэр, они именно маршировали, как на параде! Мы подобрались поближе, и, поглядев в дальнокоскоп, я смог различить, что пустотники облачены в военную форму, а также обладают единообразными чертами внешнего облика. Они выглядели почти одинаковыми... Ну разве что там и сям торчали какие-нибудь щупальца да у кого-то морда была подлиннее, а у кого-то — короче.

И тут, пока мы присматривались, их дозорный, прятавшийся в густой траве, поднял тревогу. Должен признаться, сэр, меня застало врасплох наличие часового, а также то, что на сигнал тревоги пришел мгновенный ответ. Оказывается, на речном берегу таился целый отряд! Спасаясь от погони, мы со всей поспешностью отошли назад к Ясным воротам и едва успели воспользоваться потайным лазом, не то не избежать бы потерь.

Вот, сэр, о чем я хотел доложить!

Некоторое время Нэж молча смотрел на пограничника, не в силах поверить услышанному. Потом, по-прежнему молча, моргнул несколько раз... И наконец заговорил.

— Очень тревожные сведения, — проговорил он. — Мы не можем оставить их без внимания. Не открывать же все четверо ворот, когда по ту сторону целая армия пустотников только и ждет сигнала к атаке!

— Так вы что, намерены игнорировать непосредственные указания Сэра Четверга? — лениво поинтересовался Правуил. И похлопал тросточкой по своей левой ладони, отчего по пальцам пробежали пурпурные искры. — Следует вам знать, что в таком случае я буду вынужден сместить вас с занимаемого поста...

— Нет... нет. — Нэж покосился на часы. — У нас еще есть время. Я свяжусь с генералом Лептером.

Вернувшись к письменному столу, полковник выдвинул один из ящиков. Внутри обнаружилось с десяток небольших свинцовых фигурок наподобие игрушечных солдатиков, раскрашенных в цвета родов войск Зодчей. Нэж выбрал фигурку в пернатом шлеме и золоченой кирасе. Это был легат Легиона — чин, соответствовавший генералу в других подразделениях Славного Воинства.

Нэж вложил выбранную фигурку в небольшую подставку из слоновой кости, напоминавшую пустую чернильницу. Едва коснувшись подставки, свинцовый солдатик как бы замерцал, потерял четкость... чтобы секундой позже превратиться в крохотную копию живого, дышащего оригинала.

Крохотный легат вскинул глаза, увидел Нэжа и заговорил, причем его голос был ясным и четким, как если бы легат находился непосредственно в комнате и был самим собой, а не четырехдюймовым изображением.

— Что случилось, Нэж?

Прежде чем заговорить, Нэж отсалютовал ударом наруча по кирасе.

— Майор Правуил доставил мне изменения к моей эфемериде, изданные Генштабом, — сказал он затем. — Согласно этому документу сегодня в двенадцать часов должны быть открыты все четверо ворот. Однако нами было замечено упорядоченное войско пустотников численностью минимум двести тысяч, расположившееся в пограничной зоне на той стороне!

— Так в чем состоит вопрос?

— Я хотел бы иметь полную уверенность, что изменения к моей эфемериде, доставленные майором Правуилом, действительно достоверны и не являются плодом военной хитрости наших врагов.

— Я знаю майора Правуила, — сказал генерал Лептер. — Он входит в число посыльных, доставляющих офицерам изменения эфемерид. Сэр Четверг собирается устроить армии испытание, какого она не знала на протяжении тысячелетий!

— В таком случае мне требуется подкрепление, и безотлагательно, — ответил полковник. — Я не уверен, что смогу удержать форт с моим урезанным гарнизоном, если пустотники полезут на штурм!

— Что за глупости, Нэж, — сказал Лептер. — Эти пустотники, может, и выглядят как сплоченное войско, но они тут же ошалеют, как только попадут внутрь! Зря, что ли, минувшей ночью к Золотым воротам была приближена дюжина секций, изобилующих дичью! Пустотники, как обычно, ринутся на охоту, а вечером клетки сместятся, и все их силы окажутся раздроблены. Тектоническая стратегия, Нэж, понимать надо! Ладно, я с тобой после поговорю.

И крохотный легат замер, вновь становясь раскрашенной свинцовой фигуркой. Нэж вынул ее из подставки и бросил назад в ящик.

— Итак, полковник, по-моему, все ясно до боли в глазах, — проговорил Правуил. — Может, отдадите наконец приказ открывать ворота, все четверо?

Нэж не ответил ему. Подойдя к узкому, отделанному каштановым деревом шкафу возле стены, он от-

крыл стеклянную дверку, за которой виднелся телефон. Нэж прижал к уху наушник и заговорил в микрофон:

— Соедините меня с Полднем Четверга. По неотложному военному делу!

В телефоне щелкнуло, зашипело и затрещало.

— Говорит полковник Нэж из Пограничного форта. Снова треск, шепот, какие-то невнятные шорохи... И без всякого предупреждения комнату заполнил громяхающий голос:

— Маршал Полдень слушает! Нэж, ты, что ли?.. Ну и что тебе надо?

Нэж торопливо повторил все то же, что минуту назад излагал генералу Лептеру. Маршал Полдень перебил его, не дав закончить:

— У тебя есть приказ, Нэж! Валяй исполняй его, да впредь побольше думай о субординации. Дай-ка мне сюда к трубочке Правуила!

Нэж отошел от шкафчика, оставив приемный рожок свисать на шнуре. Правуил скользнул мимо и взял аппарат.

На сей раз голос Полдня не разносился по всей комнате — то, что говорил маршал, было предназначено только для ушей Правуила. Некоторое время они очень тихо переговаривались (причем Правуил отвечал шепотом), и наконец с громким щелчком майор нажал на отбой.

— Я должен немедленно вернуться в Цитадель, — сказал он Нэжу. — Так вы готовы исполнить полученные приказания, полковник?

— Я готов, — ответил Нэж, снова вытащил часы и посмотрел на них. — Пустотникам понадобится не так много времени, чтобы проскочить тоннель, майор... Вы можете не успеть.

— У меня две лошади наготове, — сказал Правуил. И похлопал эфемериду, висевшую в холщовой сумке у него на боку: — А кроме того, в шести милях отсюда есть клетка, с которой на закате я окажусь на полпути к Цитадели.

— Так поторопитесь, — бросил Нэж, ничуть не скрывая своего презрения к офицеру, готовому покинуть поле назревающей битвы.

Едва дождавшись, чтобы Правуил вышел из офиса, Нэж принялся отдавать распоряжения лейтенанту Корби и вестовому, шагнувшему внутрь из коридора.

— Корби, — сказал он, — соберите ваших людей и немедленно уходите из форта. Ваша задача — засады, внезапные нападения. Вы должны завлекать неприятеля по мере его выхода из Золотых ворот на клетки, изобильные дичью. Уводите пустотников подалее от форта. Есть у вас фигурки связи с кем-либо за пределами укреплений?

— Только с моим непосредственным начальником, капитаном Феруком. Он, кстати, в Белой башне, а не в Генштабе.

Нэж порылся в ящике стола и вручил лейтенанту двух свинцовых солдатиков: одного в ярко-красном мундире, другого — в форме темно-синего цвета. Алая фигурка была увенчана высоким шлемом с богатым плюмажем, на синей красовалась плоская кожаная фуражка.

— Это мои друзья, — пояснил Нэж. — Полковник Рептон из Полка и майор Скаратт, артиллерист. Оба — штабисты, то есть сумеют вам помочь, если... если мои подозрения подтвердятся и дела вправду пойдут скверно. А теперь — вперед! Исполняйте!

Отсалютовав, Корби развернулся и строевым шагом вышел наружу. Вестовой, напротив, шагнул вперед. У него на боку висела большая труба — бронзовый инструмент не менее четырех футов длиной.

— Трубите боевую тревогу, — сказал Нэж. — И отдельно сигнал офицерам собраться.

Вестовой вскинул инструмент к губам, обратив его раструбом в сторону стены. Его щеки округлились и напряглись... Труба, впрочем, не издала ни звука. Звук долетел чуть позже, в виде отраженного эха. Таким его слышали в каждом уголке крепости вне зависимости от расстояния.

Трубач дважды, один за другим, исполнил два разных сигнала. Когда стих последний отзвук, он опустил инструмент и вновь замер по стойке смирно.

— Сколько мы с тобой прослужили вместе, Хопель? — спросил Нэж.

— Восемь тысяч четыреста двадцать шесть лет, сэр, — отозвался Хопель. — Это, в смысле, в Легионе. Не считая рекрутской школы.

— А многие ли из нашего рекрутского класса остались в живых?

— Думается, все, кроме шестерых. Ропреш не считается, он все-таки оправился от поражения Пустотой. Он, правда, теперь больше по нестроевой, куда ж ему без ноги...

— Как ты думаешь, мы не струсим в бою из-за того, что сегодня наши шансы погибнуть велики, как никогда?

— Вы это о чем, сэр? — удивился Хопель. — Мы же легионеры Славного Воинства. Мы готовы умереть, если потребуется...

— В самом деле? — Нэж явно не ощущал подобной уверенности. — Мы готовы к ранам, к увечьям, но обычно гибнут очень немногие. И потом, мы всегда одерживаем победу. А вот теперь... Боюсь, нашему везению приходит конец. Когда откроются все ворота, начнется битва за форт. И в этой битве нам

впервые будут противостоять хорошо организованные и обученные пустотники. А это значит, ими будет управлять кто-то... или что-то... разумное.

— Мы — легионеры, — непоколебимо повторил Хопель. — Мы будем стоять до конца!

— Да, — кивнул Нэж. — Будем. Вот только конец может оказаться совсем не таким, какого мы все бы хотели.

Из-за двери послышался тяжелый топот: это по сигналу трубы спешили к полковнику офицеры, числом более дюжины.

— Только не говори никому о моих сомнениях, — поспешно предупредил Нэж вестового. — Я испытал мгновение нерешительности, не более. Мы будем храбро сражаться и обязательно победим. Пустотники разобьются о стены форта, а Славное Воинство одержит в Великом Лабиринте еще одну замечательную победу!

— Так точно, сэр! — выкрикнул Хопель. И отдал честь офицеру, который первым вошел в офис полковника.

— Подходите поближе, — быстро распорядился Нэж. — Нам надо организовать оборону, а времени у нас очень мало. Я получил приказ и расписался в его получении. Нам предстоит открыть все четверо ворот. Да-да, вы не ослышались, именно так. И у меня

есть основания подозревать, что вскоре после этого наш форт атакуют несколько сотен тысяч организованных пустотников. Нам необходимо продержаться двенадцать часов, по истечении которых согласно приказу ворота должны быть закрыты. Соответственно, что бы ни случилось — я имею в виду ранения и потери... В общем, машинное отделение надо отстоять любой ценой. Ворота надо закрыть, и закрыть вовремя.

— Да не могут дела быть настолько плохи, сэр, — подавил смешок один из центурионов.

Этого малого не так давно перевели в Легион; последнюю тысячу лет он провел на службе в Генштабе. На его кирасе не было видно медалей за доблесть в бою, зато красовалось несколько звезд — ими в Доме награждали за успехи в канцелярской работе.

— По выходе из Золотых ворот, — продолжал центурион, — им придется карабкаться вверх по крутым серпантинам под ливнем наших силовых дротиков и огненным потоком из машин на укреплениях... Не говоря уже о воротах самого форта! Мы должны без труда продержаться. Пустотники всегда прут вперед беспорядочной толпой...

— Ваша уверенность радует, центурион, — перебил Нэж. — Предоставляю вам честь командовать Несбыточной Надеждой.

Так называлось укрепление в нижнем конце череды серпантинов.

Лязг центурионского браслета о кирасу прозвучал, прямо скажем, не оглушительно. Часы полковника Нэжа и те прозвонили громче.

— Господа, у нас двадцать минут. Прошу пять минут на то, чтобы изложить наши планы, после чего вы вернетесь к своим подразделениям. Я буду командовать войсками непосредственно из машинного отделения. В этой битве нашим боевым кличем будут слова... — полковник ненадолго задумался, — «Смерть и Легион»!

Собравшееся офицерство тотчас подхватило новый клич, да так, что на чайном столике командира зазвенели чайные чашки:

— Смерть и Легион!